

УДК 82.09
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-351-363

**Наш персональный Иисус,
или феномен «Прогулок по воде» И. Кормильцева**

Г. Д. Дробинин

*Самарский филиал Московского городского
педагогического университета
Самара, Россия*

Аннотация

Исследование основывается на литературоведческом анализе стихотворения И. Кормильцева «Прогулки по воде» и рассмотрении данного текста как песенного (композиция группы «Наутилус Помпилиус»). Интерпретация текста основывается на сопоставлении сюжета с текстом Нового Завета, анализе противопоставления двух героев, рассмотрении отдельных образов стихотворения в рамках поэтики всей лирики поэта. Для анализа причин популярности данной композиции было привлечено антропологическое понятие «мема» как единицы культурной эволюции. При прослушивании песни смысл исходного высказывания реципиентом, как правило, не считается, а воспринимаются только мемы (отдельные фразы текста).

Ключевые слова

Кормильцев, Наутилус Помпилиус, русский рок, антропология популярности

Для цитирования

Дробинин Г. Д. Наш персональный Иисус, или Феномен «Прогулок по воде» И. Кормильцева // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 351–363. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-351-363

© Г. Д. Дробинин, 2021

Our Own Personal Jesus, or Phenomenon of “Walks on Water” by I. Kormiltsev

G. D. Drobinin

*Moscow City University Samara Branch
Samara, Russian Federation*

Abstract

The research is based on the analysis of the poem “Walks on water” by I. Kormiltsev and consideration of this text as a song of the group “Nautilus Pompilius”. The interpretation of the text is based on comparison of the plot with the text of the New Testament, on analysis of the opposition of the two heroes, on consideration of separate images of the poem within the poetics of the whole creativity of the poet. The anthropological concept of “meme” as a unit of cultural evolution was involved to analyze the reasons for the popularity of this composition. When people listen to the song, they don’t perceive the meaning of the original statement, but only memes are perceived.

Keywords

Russian rock, Nautilus Pompilius, Kormiltsev, anthropology of popularity

For citation

Drobinin G. D. Our Own Personal Jesus, or Phenomenon of “Walks on Water” by I. Kormiltsev. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 351–363. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-351-363

Научный инструментарий, представленный современной западной антропологией, всё более продвигает гуманитарные науки если не к пересмотру методологии, то к несомненному обогащению арсенала исследователя. Для филологических исследований антропологический инструментарий – вероятно, один из главных способов развития. «Язык, по-видимому, “эволюционирует” негенетическими способами и со скоростью на несколько порядков выше, чем эволюция генетическая» [Докинз, 2017, с. 291]. Понятие мема как единицы культурной эволюции, предложенное Р. Докинзом [Там же, с. 291–306], на мой взгляд, может быть эффективно использовано для изучения феномена популярности различных культурных явлений – от религиозных идей до картин, от средств манипуляций в средствах массовых коммуникаций до мелодий. Синкретические культурные явления, та-

кие как песни, максимально располагают к использованию подобного исследовательского инструментария.

Докинз объясняет «живучесть» мемов их когнитивной привлекательностью и объяснительным потенциалом. Эту достаточно абстрактную формулировку развивает П. Буайе [2017, с. 52–60], рассуждая о востребованности тех или иных религиозных концепций. Ученый говорит, что «успешность» мема зависит от того, как он затрагивает различные системы работы головного мозга, соответствуя их ожиданиям, подстраиваясь под привычные Homo Sapiens модели распознавания информации – от интуитивного понимания намерений другого человека до системы распознавания невидимого заражения. При этом для действительной успешности мем должен вступать в противоречие с мозгом и вырываться за пределы ожиданий нескольких распознающих систем [Там же, с. 76–128].

Феномен превращения песни в хит, обретение песней сначала популярности, а потом своеобразного фольклорного измерения – удивительный объект для междисциплинарного исследования. Факторами устойчивости того или иного культурного феномена во времени зачастую являются, с одной стороны, приемлемость и понятность для человеческого восприятия его феноменов, т. е. своеобразная простота, а с другой – новый идейный посыл, стимулирующий постоянное воспроизведение данного произведения в культуре. Таким образом, песня должна быть простой и понятной, но при этом транслировать определенный трансцендентный опыт или эмоцию, который хотелось бы повторять и которым хотелось бы делиться. Всё это в совокупности с историческим контекстом и социальной средой, вероятно, и способствует переходу определенных культурных явлений в разряд культовых.

Мы можем привести имена большого количества великих поэтов, чей вклад в культуру несомненен, но их стихи никогда не звучали на улицах, на кухнях и в трамваях. Поэзия И. Кормильцева «ушла в народ», когда поэту не было еще и 30 лет. Вместе с песнями «Наутилуса Помпилиуса» его стихотворения стали сначала всесоюзно, а потом и всероссийски популярны. Однако весь дальнейший творческий путь и деятельность Ильи Кормильцева раскрывает его как фигуру контркультурную, андеграундную, радикально нацеленную на подрыв устоявшихся культурных догм, осознанно сторонящуюся популярности и воспроизводства востребованных широкой аудиторией культурных продуктов. Тем не менее очевидно, что стихотворения «Я хочу быть с тобой», «Прогулки по воде», «Крылья», «Взгляд с экрана» и ряд других текстов становятся культовыми как для

отечественной рок-культуры, так и для всей русской культуры 1980-х – 1990-х гг.

Наиболее показательным для рассмотрения феномена популярности текстов И. Кормильцева мне видится стихотворение «Прогулки по воде» [Кормильцев, 2017, с. 242], ставшее текстовой основой для одноименной песни. Так как стихотворение «Прогулки по воде» имеет богатую историю публичного существования и напрямую отсылает к Новому Завету, его можно рассмотреть сразу в трех плоскостях: филологической, религиозной и антропологической. Безусловно, важной частью исследования стал бы анализ музыкальной составляющей, однако в силу недостаточности инструментария филолога для подобного анализа ограничимся несколькими дилетантскими замечаниями в этой связи и обратимся к тексту «Прогулок по воде». Текст «Прогулок по воде» без особых проблем декодируется средствами традиционного филологического анализа, но не менее важным является рассмотрение данного текста как нарратологического акта, осуществленного в рамках определенного режима публичности. Песня «Прогулки по воде» записана в 1991 г., выпущена в 1993-м, в самый разгар политических и экономических изменений в России.

Текст, созданный и существующий в одном режиме публичности, апеллирует к другим режимам, при этом являясь абсолютно чуждым им. «Прогулки по воде» содержат в себе прямую отсылку к евангельскому сюжету, и это, скорее, работает на популярность, а не сужает референтную группу. Опираясь лишь своим собственным, но всё же богатым опытом наблюдения того, как реципиенты воспринимают текст песни, какие выводы делают, какое мнение формируют, я пришел к выводу, что изначальный смысл, заложенный в текст самой его поэтикой, считывается крайне редко. Популярность тексту приносит не общий посыл высказывания, а простая и запоминающаяся мелодика песни, соответствующий наивной религиозности образ Христа и несколько ярких мнемонических конструкций (мемов): «С причала рыбачил Апостол Андрей», «гулять по воде» и др. Реципиентами, как правило, не считаются конфликтность диалога и идея необходимости пройти через распятие. Зато мгновенно считывается утешительная религиозность песни.

Начнем с генезиса сюжета: главное событие текста – встреча Иисуса Христа с апостолом Андреем. С точки зрения канонических Евангелий подобного события попросту не происходило. Этот факт является основой для тотальной критики всей художественной целостности «Прогулок по воде» со стороны А. Ткаченко в статье «Прогулки по воде, или Евангелие

наизнанку» [2017] и для противоположного раскрытия внутреннего диалога в статье А. В. Снигирёва [2000]. Если мы и можем свести генезис встречи Христа с Андреем, описанной в «Прогулках по воде», то мы приходим к выводу, что И. Кормильцев компилирует несколько евангельских эпизодов.

1. Встреча Мессии с Петром и Андреем, обещание сделать их ловцами не рыб, но человеков (Мф. 4:18–20, Мк. 1:16–20; Лк. 5:2–11).

У Матфея данный эпизод следует сразу за сценой искушения Иисуса. Проходя близ моря Галилейского, он дает обещание двум будущим апостолам. Центральным действием в данном эпизоде является именно акт призвания: следом за Андреем и Петром Иисус призывает двух других апостолов: Иакова и Иоанна.

Марк более лаконичен в описании предшествующего искушения, но в эпизоде встречи Христа с Андреем и Петром также акцентирует внимание на призвании.

У Луки же этот эпизод описан значительно подробнее: Иисус заходит в лодку к Петру и вместе с ним весьма успешно рыбачит (заполняет рыбой 2 лодки полностью). Он совершает чудо. Пётр (Андрей здесь не фигурирует вовсе) вместе с Иаковом и Иоанном приходит в священный ужас от масштабов улова. Иисус призывает их, обещая научить ловле человеков. Апостолы оставляют лодки и идут за ним.

2. Эпизод хождения Христа по воде и остановки бури, заставшей врасплох лодку с учениками Спасителя (Ин. 6:16–21, Мк. 6:47–51, Мф. 14:22–33).

У Матфея, накормив в пустыне народ пятью хлебами и двумя рыбами, Иисус просит апостолов подождать его в лодке, а сам поднимается на гору и молится в одиночестве. Лодка попадает в бурю, Иисус идет к ней по воде. Пётр вместе с другими апостолами пугается и просит доказательств того, что перед ними Господь. Иисус говорит: «Иди» – Пётр идет по воде к Иисусу и слегка утопает, усомнившись. Собственно, это единственная сцена совместных прогулок по воде Спасителя и апостолов.

У Марка не говорится о буре (замечается лишь, что «ветер был противный»). Иисус, идя по воде, хотел «миновать» лодки с апостолами, однако они вскричали, и он вошел в их лодку. Пётр, как и никто другой, по воде не ходил.

Иоанн уточняет, что Иисус отправляет своих учеников в море, а сам удаляется на гору в целях конспирации. Ученики вновь видят Иисуса,

идущего по воде, но в лодку он не входит, а встречается с учениками уже почти на берегу.

3. Описанная только у Иоанна очная встреча апостола Андрея с Христом (Ин. 1:35–42).

Благодаря этому эпизоду именно Апостол Андрей получил эпитет Первозванный, так как именно Андрей приводит к Иисусу своего брата Петра. В данном отрывке не идет речи ни о призвании, ни о рыболовстве.

Очевидно, что генезис кормильцевского сюжета восходит ко всем трем эпизодам: Спаситель ходит по воде к апостолам, как это описано во втором эпизоде; доставание погибших людей из воды можно посчитать буквальной сюжетной реализацией обещания сделать апостолов ловцами человеков; фигура же Апостола Андрея возникает в тексте из-за его особого статуса. Ключевое несоответствие кормильцевского сюжета каноническому касается двух событий: хождения по воде и распятия. Все три описанных евангельских эпизода предшествовали распятию Иисуса, тогда как в тексте И. Кормильцева Спаситель апеллирует к распятию как к уже свершившемуся факту. Помимо этого, Иисус ходит по воде значительно позже встречи с рыбаками Андреем и Петром и их призвания.

По моему мнению, вывод напрашивается сам: И. Кормильцев осознанно нарушает сюжет, создавая отдельную притчу, лишь идейно соотносимую с Евангелием. Кардинально меняется и характер диалога – он переводится в плоскость такого производственного диалога двух людей, не сильно заботящихся о судьбе их высказываний в публичной сфере. Они разговаривают внутри искусственного сюжета и постоянно к самому этому сюжету в своих репликах апеллируют.

Однако верным было бы сказать, что подобные несоответствия религиозному канону заметны лишь реципиентам, погруженным в религиозную доктрину. Большая же часть референтной группы не заметит несоответствий, а распознает лишь центральные образы Христа и Андрея и обратит внимание на особые покровительственно-дружественные отношения между героями. Предложение же Спасителя прогуляться с ним по воде в формате припева становится центральной мнемонической фразой текста, и зачастую воспринимается обособленно, как предложение, проникнутое сентиментальностью, хотя согласно самому тексту, конечно, таковым не является, но приобретает данные характеристики во многом благодаря манере исполнения Вячеслава Бутусова.

Данный текст работает с наивной религиозностью, свойственной всякому представителю нашего биологического вида, поскольку затрагивает

определенный формат стратегической информации. Спаситель выступает в роли невидимой антропоморфной сущности, владеющей стратегической информацией о людях, знающей все их прошлые действия, понимающей все мотивации, в том числе неправильные и недостойные, но способной простить и понять человека, несмотря на всю его греховность, и даже пригласить его поучаствовать в совместном чуде [Буайе, 2017, с. 187–229]. Об этом, по всей видимости, свидетельствует то, что песня «Прогулки по воде» приживается в массовом сознании интуитивно, не формируя осознанной рецепции художественного высказывания. Текст воспринимается на уровне неосознанного исполнения и на уровне формы и понятных опять же интуитивно и потому легкозапоминаемых фраз, но очень редко слушатель задумывается о целостной концепции песни. Структура сюжета основывается на противопоставлении персонажей двух разных регистров: Андрея, наивного юноши, неопита, и Иисуса, наставника мастера, снисходящего до уровня своего ученика. Иисус на протяжении всего текста не назван по имени: когда о нем говорит «автор», то называет его «Спаситель», когда говорит Андрей – «Учитель». Спаситель в «Прогулках по воде» – это своеобразный персональный Иисус (Personal Jesus) для российского культурного пространства. Записанная в 1991 и вышедшая в 1993 г. песня стала своеобразным маркером нового «перестроечного» режима публичности.

Песня называется «Прогулки по воде» и ключевым рефреном всего текста является повторенное трижды предложение «гулять по воде», адресованное Андрею Спасителем. Выстраивается картина, главное содержание которой сводится к тому, что покровительствующий и буквально по-отечески относящийся к простому, но искреннему Андрею Господь предлагает ему одухотворенное путешествие по воде. Таким образом Господь возвышает обыкновенного рыбака до своего уровня вершителя чудес. Это в целом не противоречит тексту Евангелия, так как Иисус наделяет апостолов способностью совершать чудеса (Мф. 10:1–4, Мк. 3:14–19, Лк. 6:13–16), но, как мы увидим далее, противоречит самому тексту.

с причала рыбачил апостол Андрей
а Спаситель ходил по воде
и Андрей доставал из воды пескарей
а Спаситель – погибших людей

В первой строфе самым очевидным образом вырисовывается жесткий контраст на уровне регистров и значительности действий двух персонажей.

Андрей, согласно тексту Евангелия еще не ставший на момент описываемых событий апостолом, рыбачит с причала (находится в простом бытовом контексте), тогда как Христос ходит по воде (совершает чудеса).

С одной стороны, действия Спасителя контекстуально сопоставляются с рыбалкой Андрея, с другой – сопоставление подчеркивает масштаб деятельности Христа. На одной стороне антитезы «причал – удочка – пескари – Андрей», на другой – «хождение по морю – святой дух – погибшие люди – Спаситель». Однако положенный на музыку контраст, отчетливо заметный при прочтении, сглаживается.

и Андрей вскричал – я покину причал
если ты мне откроешь секрет
а Спаситель ответил – спокойно, Андрей!
никакого секрета здесь нет

Андрей, стремясь уйти с немного «унизительного» причала, просит Христа дать ему тайный рецепт чудотворства, на что Спаситель отвечает, что никакой магии в его способностях нет – Андрей легко может овладеть его навыками, стоит ему только пройти через всё то же, что и Иисус. Причем общий пафос обращения Христа к Андрею и лексика, подобранная им, преисполнены иронии (если не сарказма). «Повиси-ка», милок, на кресте, а «когда надоест», так сразу же погуляем по волнам.

– видишь, там на горе
возвышается крест,
под ним десяток солдат
повиси-ка на нём
а когда надоест
возвращайся назад
гулять по воде, гулять по воде
гулять по воде со мной

В третьей строфе Спаситель иронично предлагает Андрею пережить собственную смерть, намекая, что опыт переживания собственной смерти и делает возможными дальнейшие чудеса. В музыкальном оформлении иронически нацеленные репризы лишь подчеркивают непосредственность и расположенность Христа к Андрею. Сарказм и ирония нивелируются

и, более того, превращаются в сентиментальное и чувственное обращение Христа к «маленькому» ученику.

– но, Учитель, на касках блистают рога
чёрный ворон кружит над крестом
объясни мне сейчас, пожалей дурака
а распятыя оставь на потом

Но весьма очевидный намек не считывается Андреем, об иронии и говорить не стоит. Он понимает, что Спаситель говорит про распятыя, но никак не сопоставляет его с умениями Спасителя. Молодой Андрей, как и свойственно молодым людям, хочет быстрого и доступного ответа на свой вопрос, сиюминутного объяснения – к жертвам, к переживанию откровения вместе опытом осознания собственной смертности он не готов. Как не готов к пониманию глубокой мысли своего Учителя.

онемел Спаситель и топнул в сердцах
по водной глади ногой
– ты и вправду дурак! – и Андрей в слезах
побрёл с пескарями домой

Только умерев, испытав страдания, дав растерзать себя, можно впоследствии изменять мир и ходить по воде. Чудо – удел мастеров и только. Сюжет песни отчетливо не сходится с той сентиментальностью, с которой исполняется припев.

Романтическое «гулять по воде» лишает песню жесткой привязанности к библейскому сюжету, к спору между Андреем и Христом, и как бы изымает из высказывания Спасителя очевидно заложенный в него сарказм. Даже нарочито ироничное «повиси-ка на нём» поется столь же романтично-меланхолично и не воспринимается как достаточно жесткий ответ. Любопытно, что автор музыки и исполнитель песни Вячеслав Бутусов нередко говорил в интервью, что текст своей собственной песни понял лишь спустя время: «Это было написано совершенно бессознательно... Я не воспринимал эту историю как библейскую притчу...»¹, «Но вдруг эта композиция² приобрела в моем сознании религиозный, библейский смысл,

¹ Бутусов В. Что позволено Ю-Питеру. Беседу вел Игорь Линчевский. 2003. URL: http://www.nautiluspompilius.ru/stati_chto_pozvoleno_yupiteru.php (дата обращения 10.01.2020).

² Речь идет о песне «Я хочу быть с тобой».

и теперь я исполняю ее с огромным воодушевлением. Также произошло и с некоторыми другими моими песнями»³.

Не менее саркастичное «а когда надоест» исполняется столь нежно, что слова Спасителя становятся ласковым утешением Андрея, который в своем невежестве, жалости к себе не понимает очевидный посыл Спасителя, как, впрочем, не понимает его и массовый слушатель, улавливающий интуитивно теплоту обращения Спасителя к Андрею и как бы к слушателю.

Структура песни располагает к достаточно легкому процессу рецепции:

1-я строфа – контрастная зарисовка;

2-я строфа – юбристическое обращение Андрея к Спасителю – и ответ Спасителя;

3-я строфа (припев) – полностью слова Спасителя, раскрывающие секрет хождения по воде;

4-я строфа – одна фраза апостола Андрея, свидетельствующая о непонимании слов Спасителя;

5-я строфа – негодование Спасителя.

Однако, как показывает практика, контрастирующие с текстом музыкальные сопровождение и пафос исполнения абсолютно затуманивают достаточно прозрачный смысл исходного стихотворения, и текст воспринимается на уровне мемов, среди которых главенствуют несколько строк:

1) «С причала рыбачил Апостол Андрей»;

2) «Видишь, там на горе возвышается крест»;

3) «Гулять по воде со мной».

Конфликт между учителем и учеником, описанный в тексте, знаком и понятен каждому, однако, задвинутый в переименованный евангельский сюжет, он играет абсолютно иными красками, обращается ко всем регистрам сразу (поэтому прекрасно поддается всяким переделкам и пародиям) – от персонального до общечеловеческого. Спаситель с улыбкой пеняет Андрею за то, что тот хочет всё и сразу, не прилагая никаких усилий, а Андрей не понимает, что умерщвление себя любимого и есть залог умения совершать чудо.

Церковному дискурсу текст на самом деле чужд, причем глубоко. Мало того, что хронология Евангелия непоправимо нарушена, искусственно соединены три отделенных друг от друга эпизода, так еще разговор ведется

³ *Бутусов В.* Мои песни стали приобретать для меня религиозный смысл. URL: <https://radonezh.ru/monitoring/vyacheslav-butusov-moi-pesni-stali-priobretat-dlya-menya-religiozny-smysl-22368.html> (дата обращения 10.01.2020).

на бытовом уровне. Спаситель нарочито соглашается с Андреем – с присвоенным им самим титулом «дурак». Полагаю, что Илья Кормильцев осознанно позволял себе эти нарушения, так как именно этот прием вырывает текст из церковного дискурса, не позволяет впоследствии присвоить его догме, обрубают всякие дальнейшие его теологические толкования и заставляет сосредоточиться на этой неканонической ситуации. Однако подобные тонкости не улавливаются массовым слушателем – его отношение к данному сюжету интуитивно религиозно – наличествует некая всезнающая и всепрощающая сила, так нежно и упоительно зовущая погулять. Бытовой, сниженный, простой, буквально персональный Спаситель в этой своей ипостаси выступает как инстанция, изначально обладающая стратегической информацией о каждом из людей, но норовящая покарать человека за его плотскость, наивность и греховность, но готовая при этом понять, простить и пригласить погулять с собой.

Если же не обособлять текст «Прогулок по воде» от остального творчества И. Кормильцева, то смысл его приобретает некоторое символическое измерение. Во-первых, это далеко не единственный текст в поэзии И. Кормильцева, который открыто оперирует религиозными сюжетами («Стеклянный ковчег», «Падший ангел», «Роза», «Труби, Гавриил») и даже далеко не единственный, где фигурирует Спаситель («Мне снилось, что Христос воскрес», «Воздух», «3 царя»). Однако символический смысл кроется в названии данного текста – «Прогулки по воде».

В культурной традиции образ воды, реки имеет определенный символический смысл. Течение реки часто сопоставляется с течением жизни, что видно уже по самому употреблению слова «течь» и его производных. Однако в творчестве И. Кормильцева вода – один из центральных образов с плотно очерченной семантикой. Если обобщить в виде емкого тезиса, вода в творчестве И. Кормильцева – это жизнь во всех ее проявлениях. Другое дело, что именно И. Кормильцев считает естественными проявлениями жизни. Так, например, вода напрямую связана с любовью, но любовь в стихах И. Кормильцева подается отнюдь не платонически, не как абстрактное чувство, родство душ, а как отношения мужчины и женщины, построенные главным образом на физической близости. Это, впрочем, не отменяет родство душ и прочие абстрактности, но отводит их на второй план, предполагая, что без физической близости, естественной для человека, ничего метафизического существовать не могло бы. Стандартный для Homo Sapiens modus operandi облекается И. Кормильцевым в «водные» образы. Половое влечение, стремление продлить свое воплощенное при-

сутствие в этом мире очень часто сопоставляется с жаждой, т. е. с нехваткой воды. Потоп в лирике И. Кормильцева – это растворение мира в жизненном потоке, попытка жизни саму себя регулировать.

С этой точки зрения Иисус, гуляющий по воде, – это человек умеющий гулять по «жизни», по самой природе живого, находящийся над ней и настолько умелый, что не способен в ней утонуть. Спаситель в стихотворении И. Кормильцева не противопоставлен жизни, а модернистки над ней возвышается. Прогулки по воде являются следствием постижения и преодоления жизни.

Спаситель предлагает Андрею как итог распятия вполне конкретный навык. Он предлагает ему «гулять по воде»⁴. Вода в поэзии И. Кормильцева – выраженная квинтэссенция жизни, следовательно, прогулки по воде – это умение легко и непринужденно управлять жизнью, использовать эту субстантивацию для своего удовольствия. Однако для того, чтобы гулять по воде, нужно пройти инициацию распятием.

Список литературы

Буаё П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.

Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2017. 512 с.

Снигирёв А. В. «Прогулки по воде» И. Кормильцева и евангельские мотивы: характер и специфика диалога // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 144–148.

Ткаченко А. Прогулки по воде, или Евангелие наизнанку // Газета: Дорога к храму. 2017. № 7 (155). 6 июля.

Список источников

Кормильцев И. В. Собр. соч.: В 3 т. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. Т. 1: Поэзия.

References

Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. Moscow, 2017. (in Russ.)

Dawkins R. The selfish gene. Moscow, 2017. (in Russ.)

⁴ Во второй строке стихотворения Спаситель по воде просто «ходит».

Snigirev A. V. “Progulki po vode” I. Kormiltseva i evangelskie motivy: kharakter i spetsifika dialoga. In: Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Tver, 2000, iss. 4, p. 144–148. (in Russ.)

Tkachenko A. Progulki po vode, ili Evangelie naiznanku. *Doroga k khramu*, 2017, no. 7 (155), July 6. (in Russ.)

List of Sources

Kormiltsev I. V. *Sobranie sochinenij*. In 3 vols. Moscow; Ekaterinburg, Kabinetnyj uchjonyj, 2017, vol. 1. (in Russ.)

Сведения об авторе

Дробинин Григорий Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций (по внутреннему совместительству заместитель директора по воспитательной работе), Самарский филиал Московского городского педагогического университета (Самара, Россия)

gdrobinin@gmail.com

ORCID 0000-0002-1008-5058

Information about the Author

Grigorii D. Drobinin, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University Samara Branch (Samara, Russian Federation)

gdrobinin@gmail.com

ORCID 0000-0002-1008-5058